Именем
Российской Федерации

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с положениями пунктов 1 и 2 статьи 242^1, пунктов 3 и 6 статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Амурской области

город Санкт-Петербург 22 октября 2026 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, К.Б.Калиновского, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, А.В.Коновалова, В.В.Коробченко, М.Б.Лобова, В.А.Сивицкого, Е.В.Тарибо,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 2) Конституции Российской Федерации, подпунктом «а» пункта 1 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47^1, 74, 84, 85 и 86 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности статьи 395 ГК Российской Федерации во взаимосвязи с положениями пунктов 1 и 2 статьи 242^1, пунктов 3 и 6 статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явился запрос Правительства Амурской области. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика В.А.Сивицкого, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Правительство Амурской области оспаривает конституционность статьи 395 ГК Российской Федерации, согласно которой в случаях неправомерного удержания денежных средств, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате подлежат уплате проценты на сумму долга; размер процентов определяется ключевой ставкой Банка России, действовавшей в соответствующие периоды; эти правила применяются, если иной размер процентов не установлен законом или договором (пункт 1); если убытки, причиненные кредитору неправомерным пользованием его денежными средствами, превышают сумму процентов, причитающуюся ему на основании пункта 1 данной статьи, он вправе требовать от должника возмещения убытков в части, превышающей эту сумму (пункт 2); проценты за пользование чужими средствами взимаются по день уплаты суммы этих средств кредитору, если законом, иными правовыми актами или договором не установлен для начисления процентов более короткий срок (пункт 3); в случае, когда соглашением сторон предусмотрена неустойка за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежного обязательства, предусмотренные данной статьей проценты не подлежат взысканию, если иное не предусмотрено законом или договором (пункт 4); начисление процентов на проценты (сложные проценты) не допускается, если иное не установлено законом; по обязательствам, исполняемым при осуществлении сторонами предпринимательской деятельности, применение сложных процентов не допускается, если иное не предусмотрено законом или договором (пункт 5);

если подлежащая уплате сумма процентов явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд по заявлению должника вправе уменьшить предусмотренные договором проценты, но не менее чем до суммы, определенной исходя из ставки, указанной в пункте 1 данной статьи (пункт 6).

Приведенные законоположения оспариваются заявителем во взаимосвязи со следующими нормами Бюджетного кодекса Российской Федерации:

пунктом 1 статьи 242^1, в соответствии с которым исполнение судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, на подлежащие казначейскому сопровождению в соответствии с данным Кодексом средства участников казначейского сопровождения производится в соответствии с данным Кодексом на основании исполнительных документов (исполнительный лист, судебный приказ) с указанием сумм, подлежащих взысканию в валюте Российской Федерации, а также в соответствии с установленными законодательством Российской Федерации требованиями, предъявляемыми к исполнительным документам, срокам предъявления исполнительных документов, перерыву срока предъявления исполнительных документов, восстановлению пропущенного срока предъявления исполнительных документов;

положением пункта 2 той же статьи, согласно которому к исполнительному документу (за исключением судебного приказа), направляемому для исполнения судом по просьбе взыскателя или самим взыскателем, должны быть приложены копия судебного акта, на основании которого он выдан, а также заявление взыскателя с указанием реквизитов банковского счета взыскателя (реквизитов банковского счета взыскателя при предъявлении исполнительного документа в порядке, установленном статьей 242^2 названного Кодекса), который открыт в российской кредитной организации и на который должны быть перечислены средства, подлежащие взысканию;

положением пункта 3 статьи 242^2 о том, что для исполнения судебных актов по искам к субъектам Российской Федерации о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) государственных органов субъектов Российской Федерации или их должностных лиц, в том числе в результате издания государственными органами субъектов Российской Федерации актов, не соответствующих закону или иному нормативному правовому акту, а также судебных актов по иным искам о взыскании денежных средств за счет средств казны субъекта Российской Федерации (за исключением судебных актов о взыскании денежных средств в порядке субсидиарной ответственности главных распорядителей средств бюджета субъекта Российской Федерации), судебных актов о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации документы, указанные в пункте 2 статьи 242^1 названного Кодекса, направляются для исполнения в финансовый орган субъекта Российской Федерации;

пунктом 6 статьи 242^2, предусматривающим, что исполнение судебных актов производится в течение трех месяцев со дня поступления исполнительных документов на исполнение; исполнение судебных актов может быть приостановлено в соответствии с законодательством Российской Федерации; в случае направления взыскателю или в суд уведомления об уточнении реквизитов банковского счета взыскателя течение указанного срока приостанавливается на срок, предусмотренный пунктом 3^2 статьи 242^1 данного Кодекса.

1.1. К запросу Правительства Амурской области приложены копии судебных актов арбитражных судов и судей Верховного Суда Российской Федерации, свидетельствующие о неоднократном привлечении Амурской области к ответственности, предусмотренной статьей 395 ГК Российской Федерации, за просрочку исполнения обязательств по возмещению ресурсоснабжающей организации убытков в виде доходов, недополученных ею в связи с реализацией населению тепловой энергии по льготному тарифу, установленному Управлением государственного регулирования цен и

тарифов Амурской области. При этом с 1 января 2013 года органам местного самоуправления на неограниченный срок переданы государственные полномочия Амурской области по компенсации теплоснабжающим организациям выпадающих доходов, возникающих в результате установления льготных тарифов (статья 5 Закона Амурской области от 24 декабря 2012 года № 131-ОЗ «О льготных тарифах на тепловую энергию (мощность), теплоноситель теплоснабжающим организациям для населения Амурской области»).

В тексте запроса заявитель акцентирует внимание на деле № А04-5616/2024, в котором решением Арбитражного суда Амурской области от 10 сентября 2024 года (оставлено без изменения постановлениями Шестого арбитражного апелляционного суда от 28 ноября 2024 года и Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13 марта 2025 года) за счет казны Амурской области в пользу федерального государственного бюджетного учреждения, являющегося ресурсоснабжающей организацией, взысканы проценты на основании статьи 395 ГК Российской Федерации за просрочку исполнения обязательства по возмещению межтарифной разницы, которое ранее было подтверждено решением Арбитражного суда Амурской области от 8 декабря 2023 года по делу № А04-7748/2023. Датой начала просрочки исполнения обязательства арбитражные суды признали 11 января 2023 года, являющееся датой истечения срока, в течение которого муниципальное образование было обязано на основании соглашения о предоставлении субсидии перечислить денежные средства в размере 3 886 986,96 руб., но фактически выплатило ресурсоснабжающей организации только 3 785 954,59 руб. Датой окончания просрочки исполнения указанного обязательства арбитражные суды признали 31 января 2024 года, когда Амурской областью было исполнено требование исполнительного документа от 11 января этого года, предъявленного ресурсоснабжающей организацией к исполнению в Министерство финансов Амурской области 22 января того же года, о выплате недополученной ею суммы в размере 101 032,37 руб.

При этом Амурская область в лице Министерства финансов Амурской области в своих возражениях на исковое заявление в апелляционной и кассационной жалобах указывала на то, что исполнительный документ был исполнен финансовым органом в установленный пунктом 6 статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации трехмесячный срок, исчисляемый с 22 января 2024 года по 22 апреля 2024 года. За этот период, а также за период, предшествующий направлению взыскателем исполнительного документа в финансовый орган, по мнению ответчика, проценты за пользование чужими денежными средствами начислению не подлежали, в том числе с учетом правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 22 июня 2023 года № 34-П. Отклоняя этот довод, арбитражные суды указали, что названное Постановление посвящено проверке конституционности в том числе статьи 183 АПК Российской Федерации об индексации присужденных денежных сумм, тогда как в данном деле спорный правовой вопрос состоит в привлечении к гражданско-правовой ответственности в виде взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами. Суды также пришли к выводу, что порядок и срок исполнения судебного акта по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, установленные главой 24^1 Бюджетного кодекса Российской Федерации, не распространяются на отношения, связанные с исполнением уполномоченным органом денежных обязательств по возмещению межтарифной разницы ресурсоснабжающим организациям. С судебными актами по делу № А04-5616/2024 согласился судья Верховного Суда Российской Федерации, отказав определением от 16 июля 2025 года в передаче кассационной жалобы, поданной ответчиком, для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

Исходя из этих обстоятельств Правительство Амурской области считает, что оспариваемые законоположения противоречат статьям 4, 8, 34, 45, 46, 47 и 53 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они

по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют судам взыскивать за счет казны публично-правового образования проценты за просрочку исполнения денежного обязательства, начисляемые в том числе в течение установленного пунктом 6 статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации срока на исполнение судебного акта. По мнению заявителя, в судебной практике получили распространение противоположные подходы к толкованию и применению положений статьи 395 ГК Российской Федерации к правоотношениям между публично-правовым образованием и ресурсоснабжающей организацией по поводу начисления процентов на сумму убытков, в том числе не учитывающие требования пунктов 1 и 2 статьи 242^1, пунктов 3 и 6 статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации.

1.2. В соответствии со статьями 36, 74, 84 и 85 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в запросе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием (в том числе в решениях по конкретному делу) или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Оспариваемые законоположения имеют широкий предмет регулирования и, соответственно, могут применяться в различных контекстах. Однако в запросе заявителя, хотя и направленном в порядке абстрактного нормоконтроля, проблемный аспект их применения состоит во взыскании за счет казны публично-правового образования процентов за пользование чужими денежными средствами при возложении на него судом обязанности по возмещению ресурсоснабжающей организации убытков, возникших вследствие реализации полномочий субъекта Российской Федерации по тарифному регулированию и несвоевременной компенсации

образовавшейся межтарифной разницы органами местного самоуправления, которым законом субъекта Российской Федерации в установленном порядке переданы государственные полномочия по такой компенсации.

Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 29 марта 2011 года № 2-П, поскольку возникновение межтарифной разницы (разницы между утвержденным тарифом для потребителей и экономически обоснованным тарифом, отражающим реальные затраты ресурсоснабжающей организации) является прямым следствием реализации полномочий по государственному регулированию цен (тарифов), возникает обязанность возместить ресурсоснабжающей организации расходы, обусловленные установлением тарифа на уровне ниже экономически обоснованного.

Указанные основания возникновения имущественных правоотношений между ресурсоснабжающей организацией и публично-правовым образованием обладают существенной спецификой. Это позволяет Конституционному Суду Российской Федерации рассматривать настоящее дело только в части вопроса о возможности взыскания с публично-правового образования предусмотренных статьей 395 ГК Российской Федерации процентов за просрочку исполнения обязанности по возмещению потерь ресурсоснабжающей организации, возникших вследствие реализации ею коммунальных ресурсов по льготным тарифам, а в случае подтверждения такой возможности – также в части вопроса о периодах, за которые допускается начисление соответствующих процентов.

1.3. Таким образом, с учетом поименованных предписаний Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются статья 395 ГК Российской Федерации, положения пунктов 1 и 2 статьи 242^1, пунктов 3 и 6 статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации в их взаимосвязи в той мере, в какой на их основании решаются вопросы о том, начисляются ли проценты, предусмотренные статьей 395 ГК Российской Федерации, в случае

несвоевременной компенсации имущественных потерь ресурсоснабжающей организации, возникших вследствие реализации полномочий субъекта Российской Федерации по тарифному регулированию и установления им тарифа на уровне ниже экономически обоснованного, а если такое начисление признается возможным – о периодах, за которые допускается начисление указанных процентов.

2. Конституция Российской Федерации, гарантируя в России условия для функционирования рыночной экономики – единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности, – относит к числу прав и свобод, признание, соблюдение и защита которых являются обязанностью государства, право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и право частной собственности, охраняемое законом и включающее в себя право каждого иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими (статья 2; статья 8, часть 1; статья 34, часть 1; статья 35, части 1 и 2). Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 21 апреля 2026 года № 25-П, из указанных норм Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 17, 18, 45 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 75^1 следует, что в России должны создаваться находящиеся под государственной, прежде всего судебной, защитой благоприятные условия для функционирования экономической системы, приниматься меры, направленные на оптимизацию регулирования экономических отношений, на устойчивый экономический рост и повышение благосостояния граждан, на обеспечение социального партнерства, экономической и социальной солидарности.

Гарантируя право на свободное использование способностей и имущества для предпринимательской деятельности, законодатель обязан поддерживать баланс прав и обязанностей всех участников рынка. С этой целью он правомочен устанавливать условия осуществления такой

деятельности, направленные на согласование частной экономической инициативы с интересами других лиц и общества в целом. Для защиты общих интересов законодатель вправе, регламентируя соответствующие отношения, использовать сочетание частно- и публично-правовых элементов, которое наиболее эффективно будет обеспечивать взаимодействие частных и публичных интересов в данной сфере. Располагая широкой свободой усмотрения в выборе правовых средств, законодатель вместе с тем связан конституционно-правовыми целями применения публично-правовых начал, определяемыми статьями 7, 8, 17, 34, 35 и 55 Конституции Российской Федерации (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2018 года № 32-П, от 3 апреля 2023 года № 14-П, от 2 июля 2024 года № 34-П, от 13 ноября 2025 года № 37-П и др.).

2.1. В Российской Федерации как социальном государстве, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7, часть 1, Конституции Российской Федерации), к числу публично значимых услуг, связанных с удовлетворением основных, жизненно важных потребностей человека, относится ресурсоснабжение (теплоснабжение, электроснабжение, водоснабжение, газоснабжение и другие виды снабжения коммунальными ресурсами). В целях поддержания конституционно значимого баланса экономических интересов ресурсоснабжающих организаций и интересов потребителей федеральным законодательством предусматривается установление предельных (минимального и (или) максимального) уровней тарифов на поставляемые потребителям коммунальные ресурсы.

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 29 марта 2011 года № 2-П применительно к регулированию цен (тарифов) в сфере теплоснабжения, введение предельных уровней тарифов, т.е. предельного размера цены на соответствующую продукцию, направлено на противодействие монополизации и недобросовестной конкуренции, выступает государственной гарантией доступности энергетических ресурсов для потребителей, прежде всего для

населения, препятствует экономически не обоснованному росту тарифов на тепловую энергию, предполагает возможность установления льготных тарифов (части 13–15 статьи 10 Федерального закона от 27 июля 2010 года № 190-ФЗ «О теплоснабжении») и тем самым призвано не допустить резкого ухудшения социального положения граждан. Вместе с тем применение указанных мер в рамках тарифного регулирования предполагает возникновение разницы между утвержденным тарифом для потребителей и экономически обоснованным тарифом, отражающим реальные затраты теплоснабжающей организации на производство тепловой энергии, и, соответственно, предопределяет необходимость возмещения в таких случаях теплоснабжающей организации понесенных ею экономических потерь.

К установлению надлежащего правового механизма возмещения такого рода потерь законодателя обязывают, как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации в том же Постановлении, вытекающие из Конституции Российской Федерации, ее статей 8, 17, 34, 35 и 55 (часть 3), и его правовой позиции (постановления от 18 июля 2003 года № 14-П, от 16 июля 2004 года № 14-П, от 31 мая 2005 года № 6-П, от 28 февраля 2006 года № 2-П) требования, в силу которых при регулировании предпринимательской деятельности коммерческих организаций следует исходить из того, что возможные ограничения федеральным законом прав владения, пользования и распоряжения имуществом, а также свободы предпринимательской деятельности и свободы договора, исходя из общих принципов права, должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты основных конституционных ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, а государственное вмешательство должно обеспечивать баланс частного и публичного начал в сфере экономической деятельности.

2.2. Снабжая граждан, юридических лиц и публично-правовые образования коммунальными ресурсами, ресурсоснабжающие организации выполняют публично значимые функции, притом что обеспечение их

выполнения по смыслу статей 1 (часть 1), 2, 7, 18, 34 (часть 1), 35 (части 1 и 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации является конституционной обязанностью государства, а не частных субъектов. В рамках своей дискреции законодатель мог бы избрать и иной способ финансирования реализации этих функций: не путем возложения на ресурсоснабжающие организации обязанности применять экономически необоснованные тарифы с выплатой им компенсаций, а, например, путем выплаты компенсаций потребителям, приобретшим коммунальные ресурсы по рыночной цене. Однако независимо от избранного законодателем способа обеспечения реализации публично значимых функций сопутствующее этому финансовое бремя во всяком случае должно оставаться на соответствующем публично-правовом образовании.

Конституционный Суд Российской Федерации указывал, что выполнение коммерческими организациями обязанностей публичного характера за собственный счет зачастую не согласуется с основной целью их деятельности и при отсутствии механизма возмещения понесенных ими расходов может привести, в конечном счете, к неправомерному ограничению поименованных выше конституционных прав федеральным законодателем, который, предъявляя к субъектам экономической деятельности конкретные требования, связан конституционным принципом недопустимости искажения самого существа права на занятие предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельностью (Постановление от 16 июля 2018 года № 32-П). Таким образом, не может быть поставлено под сомнение само наличие у ресурсоснабжающей организации права требовать возмещения имущественных потерь, понесенных ею вследствие реализации субъектом Российской Федерации государственных полномочий по тарифному регулированию.

3. Несвоевременное возмещение ресурсоснабжающей организации, реализовавшей потребителям коммунальные ресурсы по утвержденному для них уполномоченным органом льготному тарифу, потерь в виде разницы, возникающей между льготным тарифом и экономически обоснованным

тарифом, способно причинять ей дополнительные убытки, связанные с невозможностью распоряжаться причитающимися ей денежными средствами, в том числе в таких целях, как поддержание бесперебойной работы энергетической и иной коммунальной инфраструктуры, покупка необходимого для производства энергии сырья, расширение производственных мощностей, внедрение новых технологий производства, оплата труда работников, ведение претензионно-исковой работы по взысканию задолженности с потребителей-должников.

Конституционный Суд Российской Федерации последовательно исходит из того, что институт взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами, предусмотренный статьей 395 ГК Российской Федерации, является элементом механизма возмещения убытков, причиненных кредитору неправомерным пользованием его денежными средствами, фактически устанавливает минимальный предел такого возмещения и тем самым с учетом его места в системе действующего правового регулирования направлен на защиту имущественных интересов лица, чьи денежные средства незаконно удерживались (постановления от 4 апреля 2024 года № 15-П и от 15 октября 2024 года № 46-П; определения от 19 апреля 2001 года № 99-О, от 25 ноября 2010 года № 1535-О-О, от 20 декабря 2018 года № 3183-О, от 12 ноября 2019 года № 2966-О и др.). Такой механизм по сравнению с общим гражданско-правовым порядком возмещения убытков в значительной степени упрощает восстановление нарушенных прав потерпевшего, поскольку освобождает последнего от необходимости доказывания в соответствующем процессуальном порядке самого факта возникновения у него убытков в результате несвоевременной выплаты ему денежных средств (Постановление от 12 июля 2023 года № 39-П).

При этом независимо от возможности применения положений статьи 395 ГК Российской Федерации к конкретному правоотношению вред (как имущественный, так и моральный), причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия)

государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению Российской Федерацией, соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием на основании общих и специальных положений Гражданского кодекса Российской Федерации, а именно его статей 15, 16, 1064 и 1069.

Как подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, указанные гражданско-правовые нормы имеют универсальное значение, а предусмотренный ими порядок возмещения вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) государственных органов и их должностных лиц, распространяется на все случаи причинения такого вреда, если иное не предусмотрено законом (Определение от 9 февраля 2016 года № 213-О). Универсальный характер общего гражданско-правового механизма возмещения вреда отмечается и Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, давшим в пункте 38 постановления от 24 марта 2016 года № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» разъяснение о том, что указанные в статье 395 ГК Российской Федерации проценты не начисляются на суммы экономических (финансовых) санкций, необоснованно взысканные с юридических и физических лиц налоговыми, таможенными органами, органами ценообразования и другими государственными органами и подлежащие возврату из соответствующего бюджета; в этих случаях гражданами и юридическими лицами на основании статей 15, 16 и 1069 ГК Российской Федерации могут быть предъявлены требования о возмещении убытков, вызванных в том числе необоснованным взиманием сумм экономических (финансовых) санкций, если законом не предусмотрено иное.

Применение положений статьи 395 ГК Российской Федерации в конкретных спорах, таким образом, зависит от того, являются ли спорные имущественные отношения гражданско-правовыми, а нарушенное

обязательство – денежным, а если не являются, то имеется ли указание законодателя на возможность ее применения к этим отношениям, поскольку пункт 3 статьи 2 данного Кодекса предписывает судам и иным органам применять гражданское законодательство к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, только если это предусмотрено законом (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2023 года № 39-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2001 года № 99-О, от 7 февраля 2002 года № 30-О, от 25 ноября 2010 года № 1535-О-О, от 12 ноября 2019 года № 2966-О и др.).

В отсутствие же специального законодательного регулирования разрешение вопроса о том, подлежат ли начислению проценты, предусмотренные статьей 395 ГК Российской Федерации, на сумму потерь ресурсоснабжающей организации, возникших вследствие реализации субъектом Российской Федерации государственных полномочий по тарифному регулированию, в случае просрочки их возмещения публично-правовым образованием, зависит от того, носит ли обязательство по возмещению соответствующих имущественных потерь гражданско-правовой характер. Между тем в рамках действующего правового регулирования названный вопрос может разрешаться как положительно, так и отрицательно, поскольку для обоих выводов имеются определенные основания.

3.1. В соответствии с пунктом 1 статьи 2 ГК Российской Федерации гражданским законодательством регулируются имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, каковыми наряду с гражданами и юридическими лицами могут являться Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования. Поскольку те же самые лица могут состоять и в публично-правовых отношениях, которые, в свою очередь, также могут иметь как имущественный, так и неимущественный характер, ключевым критерием разграничения

гражданско-правовых и иных отношений является признание равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников.

Как прямо следует из названной нормы данного Кодекса, само по себе то обстоятельство, что в отношениях с гражданами и юридическими лицами участвует публично-правовое образование, не означает, что эти отношения не основываются на равенстве и автономии воли их участников, и не исключает квалификации данных отношений в качестве гражданско-правовых. С учетом этого в пункте 1 статьи 124 того же Кодекса законодатель указывает, что публично-правовые образования могут быть сторонами гражданско-правовых отношений, выступая в них на равных началах с иными их участниками. Указанные положения отражают в гражданском праве конституционные принципы равной защиты частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности (статья 8, часть 2, Конституции Российской Федерации), свободы экономической деятельности и охраны частной собственности законом (статьи 34 и 35 Конституции Российской Федерации).

При этом особенности статуса публично-правовых образований, обусловленные, в частности, статьями 2 и 18 Конституции Российской Федерации, предопределяют направленность любой их деятельности на достижение публично значимых целей, а также соответствующую этим целям возможность использовать бюджетные средства. Поэтому выявление указанной цели и (или) указанной возможности в правоотношениях с участием публично-правового образования не свидетельствует о том, что такие отношения не могут быть отнесены к гражданско-правовым (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 октября 2023 года № 46-П). Иной подход фактически исключал бы возможность существования денежных гражданско-правовых обязательств публично-правовых образований, поскольку последние по определению должны преследовать в этих отношениях цель удовлетворения не частных, а публичных нужд и использовать для достижения этой цели средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Возникновение конкретного отношения вследствие властно-распорядительных предписаний органов публичной власти и их должностных лиц также не препятствует его квалификации в качестве гражданско-правового. В частности, убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежат возмещению Российской Федерацией, соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием (статья 16 ГК Российской Федерации); в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации (статья 16^1 того же Кодекса).

Таким образом, вред, причиненный при осуществлении публичной власти в рамках отношений, основанных на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, подлежит возмещению в рамках самостоятельного имущественного отношения, признаваемого гражданско-правовым. Для удовлетворения правомерного интереса в возмещении вреда в тех случаях, когда обязанная сторона отказывается сделать это своей волей, потерпевший вынужден обращаться за публично-правовой санкцией к суду, который наделен публичной властью в отношении ответчика в рамках отдельных (процессуальных) правоотношений.

Тем самым вопрос о том, основано ли имущественное отношение на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, решается исходя не из того, возникло ли оно в результате реализации публичной власти, а из того, какое положение в самом этом правоотношении занимают стороны по отношению друг к другу. Поэтому основаниями для

возникновения гражданско-правовых обязательств по возмещению вреда могут выступать, например, такие очевидно публично-правовые действия, как незаконное осуждение и незаконное привлечение к административной ответственности (пункт 1 статьи 1070 ГК Российской Федерации).

Исходя из приведенных критериев есть основания для квалификации в качестве гражданско-правового обязательства публично-правового образования перед ресурсоснабжающей организацией по возмещению в пользу последней убытков, возникших вследствие ненадлежащей реализации государственных полномочий субъекта Российской Федерации, в том числе в сфере тарифного регулирования. Это подтверждается позицией Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, который в пункте 17 постановления от 22 июня 2006 года № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» дал арбитражным судам разъяснения о том, что ответчиком по делам о взыскании убытков, вызванных неисполнением публично-правовым образованием обязанности по возмещению платы, не полученной от льготных категорий потребителей, является непосредственно публично-правовое образование; если требования истца являются обоснованными по существу, то суммы убытков подлежат взысканию с публично-правового образования на основании статьи 16 ГК Российской Федерации. Кроме того, в пункте 2 постановления от 6 декабря 2013 года № 87 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных со взысканием потерь ресурсоснабжающих организаций, вызванных межтарифной разницей» Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации со ссылкой на статьи 16, 1069 и 1083 ГК Российской Федерации разъяснил, что при рассмотрении таких споров суд вправе снизить размер взыскиваемого возмещения, если ответчиком будет доказано, что ресурсоснабжающая организация содействовала увеличению своих потерь.

На наличие предусмотренных гражданским законодательством оснований для возмещения убытков в случаях, когда публично-правовое образование не исполняет предусмотренную правовыми актами,

принимаемыми во исполнение законов, установивших льготы, обязанность по выплате компенсации лицу, реализовавшему потребителям товары (выполнившему работы, оказавшему услуги) по льготным ценам или без получения платы от потребителя, также указывается в пункте 20 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020), утвержденного его Президиумом 23 декабря 2020 года.

Соответственно, данный подход предполагает, что обязанность публично-правового образования по возмещению указанных убытков ресурсоснабжающей организации существует в рамках деликтного гражданско-правового обязательства. При этом в отличие от публичного правоотношения по поводу установления уполномоченным органом льготного тарифа и порядка компенсации межтарифной разницы – в рамках которого одна из сторон обладает публичной властью в отношении другой стороны, имея возможность предпринять соответствующие односторонне-властные решения, – правоотношения, связанные со взысканием убытков с публично-правового образования в случае нарушения им права ресурсоснабжающей организации на такую компенсацию, не будучи регламентированными актами тарифного регулирования, реализуются, как это следует из правоприменительной практики, в рамках гражданско-правового регулирования.

Таким образом, в рамках действующего законодательства вполне возможен вывод о том, что отношения по поводу возмещения публично-правовым образованием убытков ресурсоснабжающей организации, возникших вследствие ненадлежащей реализации полномочий субъекта Российской Федерации в сфере тарифного регулирования, не основаны, исходя из положения сторон в этих отношениях, на властном подчинении одной стороны другой. По прочим критериям, обозначенным в пункте 1 статьи 2 ГК Российской Федерации (имущественный характер и субъектный состав), упомянутые отношения также могут рассматриваться в качестве гражданско-правовых при их изолированном рассмотрении.

3.2. В то же время правоотношение по поводу компенсации ресурсоснабжающей организации межтарифной разницы, обусловленной реализацией субъектом Российской Федерации полномочий по тарифному регулированию, складывается в системе публичных правоотношений, в частности корреспондирует отношению по поводу установления уполномоченным органом экономически необоснованного тарифа, а также механизма компенсации потерь ресурсоснабжающей организации.

В силу пункта 104 части 1 статьи 44 Федерального закона от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» решение вопросов установления подлежащих государственному регулированию цен (тарифов) на товары (услуги), по общему правилу, отнесено к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации (за исключением субвенций из федерального бюджета). В свою очередь, субъекты Российской Федерации вправе передавать органам местного самоуправления осуществление отдельных государственных полномочий, осуществляемых субъектами Российской Федерации на территории соответствующих муниципальных образований, в соответствии с упомянутым Федеральным законом и федеральным законом, устанавливающим общие принципы организации местного самоуправления, при условии передачи им необходимых для осуществления таких полномочий материальных и финансовых средств; наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями субъектов Российской Федерации осуществляется законами субъектов Российской Федерации (части 1 и 2 статьи 52 того же Федерального закона).

В частности, государственные полномочия Амурской области по компенсации теплоснабжающим организациям выпадающих доходов, возникающих в результате установления льготных тарифов, переданы с 1

января 2013 года на неограниченный срок органам местного самоуправления, на территории которых применяются установленные для населения льготные тарифы (части 1 и 2 статьи 5 Закона Амурской области «О льготных тарифах на тепловую энергию (мощность), теплоноситель теплоснабжающим организациям для населения Амурской области»). Такая компенсация осуществляется путем предоставления субсидий на основании заключенных между органами местного самоуправления и теплоснабжающими организациями договоров о компенсации выпадающих доходов, а субъект Российской Федерации обеспечивает передачу в местные бюджеты субвенций, необходимых для осуществления переданных полномочий; за уполномоченным же органом государственной власти Амурской области сохраняется обязанность контролировать осуществление органами местного самоуправления переданных государственных полномочий по компенсации выпадающих доходов теплоснабжающих организаций, а также использование предоставленных на эти цели финансовых и материальных ресурсов (часть 2 статьи 4, часть 3 статьи 5, пункт 2 части 3 статьи 7, статья 9, часть 1 статьи 11 названного Закона Амурской области).

Порядок компенсации межтарифной разницы ресурсоснабжающим организациям утверждается органами государственной власти субъекта Российской Федерации или органами местного самоуправления, если соответствующее государственное полномочие им передано: на территории Амурской области в настоящее время такой порядок предусмотрен, например, приложением № 1 к постановлению Администрации города Белогорска от 14 апреля 2026 года № 551 «Об утверждении Порядка предоставления субсидии на финансовое обеспечение государственных полномочий по компенсации выпадающих доходов теплоснабжающих организаций». Этот порядок, как правило, предполагает подачу заявок и проведение отбора участников, которые должны соответствовать ряду требований и приложить к заявлению на получение субсидии, в частности, расчет планового или фактического объема выпадающих доходов, возникающих в результате установления льготных тарифов на

коммунальный ресурс, и акт, подтверждающий объем реализованного коммунального ресурса. Для рассмотрения заявок участников отбора может создаваться специальная комиссия. В течение установленного срока со дня получения пакета документов и протокола комиссии главный распорядитель бюджетных средств принимает решение о заключении соглашения о предоставлении субсидии или об отказе в его заключении. Выплата субсидии производится в пределах остатка бюджетных ассигнований и лимитов бюджетных обязательств, предусмотренных главному распорядителю бюджетных средств на текущий финансовый год, а в случае их недостаточности для предоставления субсидии в полном размере ее остаток предоставляется получателю в очередном финансовом году или в текущем финансовом году при условии доведения главному распорядителю бюджетных средств дополнительных бюджетных ассигнований и лимитов бюджетных обязательств на предоставление субсидии на текущий финансовый год (пункт 13, пункты 25–30 названного приложения).

Публично-правовой контекст, в котором складываются отношения по поводу возмещения потерь ресурсоснабжающей организации, возникающих вследствие реализации субъектом Российской Федерации полномочий по тарифному регулированию, и который проявляется в устанавливаемом публично-правовым образованием особом порядке такой компенсации, заключающемся в случае Амурской области в предоставлении субсидий по правилам, предусмотренным статьями 78 и 78^1 Бюджетного кодекса Российской Федерации, позволяет предположить публично-правовой характер и этих отношений.

При этом принятие на себя именно публично-правовым субъектом денежного обязательства перед частным субъектом – в силу презумпции обеспеченности соответствующего расходного обязательства необходимыми публичными финансами – уже само по себе предполагает должный уровень гарантий удовлетворения правомерных ожиданий такого частного субъекта как более слабой стороны указанных отношений, вынужденной следовать воле публичного субъекта при осуществлении хозяйственной деятельности в

сфере, подлежащей тарифному регулированию. То обстоятельство, что данные ожидания в случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения публичным субъектом соответствующих обязательств не оправдываются, само по себе не отрицает публично-правовой природы соответствующих отношений.

3.3. Решение вопроса о возможности начисления процентов на сумму задолженности по выплате компенсации потерь, возникших вследствие реализации полномочий субъекта Российской Федерации по тарифному регулированию, не может быть обусловлено и тем, предусмотрена ли выплата таких компенсаций ресурсоснабжающей организации непосредственно из бюджета субъекта Российской Федерации или же государственные полномочия по выплате этих компенсаций переданы органам местного самоуправления с предоставлением субвенций. Первый вариант финансирования соответствующих выплат при прочих равных условиях, скорее, свидетельствует о бюджетно-правовом характере возникающих отношений, не предполагающем применения, в отсутствие прямого нормативного указания, статьи 395 ГК Российской Федерации. Во втором прямые бюджетно-правовые отношения между субъектом Российской Федерации и ресурсоснабжающей организацией не возникают, что подчеркивает доводы в пользу гражданско-правовой интерпретации этих отношений (возникающих из причинения вреда совокупностью действий (решений) и бездействия органов государственной власти субъекта Российской Федерации). Тем не менее придание определяющего значения указанному обстоятельству влекло бы для субъекта Российской Федерации – вопреки статьям 2, 18, 19, 34 (часть 1), 35 (части 1 и 3), 55 (часть 3), 75^1 и 132 (часть 3) Конституции Российской Федерации – возможность, избирая ту или иную форму организации исполнения своих полномочий, произвольно уменьшать объем гарантий имущественных прав ресурсоснабжающих организаций, в ущерб рациональным экономическим интересам которых достигалась публично значимая цель обеспечения доступности коммунальных ресурсов.

Таким образом, в силу неопределенности в вопросе о квалификации соответствующих правоотношений, в том числе в зависимости от того, в каком порядке реализуется право ресурсоснабжающей организации на компенсацию межтарифной разницы, по-разному может быть разрешен и вопрос о возмещении убытков, причиненных несвоевременным получением такой компенсации, что, в свою очередь, влечет нарушение принципов правовой определенности и правового равенства. Выбор же конкретного нормативного решения, основанного на необходимости и допустимости использования того или иного механизма возмещения убытков, причиненных в описанной ситуации ресурсоснабжающей организации, во всяком случае не предопределен Конституцией Российской Федерации, которая, устанавливая базисные (концептуальные) требования к правовому регулированию во всех сферах общественных отношений, вместе с тем оставляет законодателю существенную дискрецию в выборе конкретных моделей правового регулирования при условии, что они не вступают в противоречие с конституционными установлениями.

В то же время из Конституции Российской Федерации следует, что на этот правовой вопрос должен быть дан однозначный ответ. Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, в тех случаях, когда взаимоисключающие варианты толкования одной и той же нормы (продиктованные, помимо прочего, различиями в ее понимании при сопоставлении с другими нормами) могут быть не лишены разумного юридического обоснования, укладывающегося в конституционные рамки законодательного усмотрения, имеются основания для ее признания не соответствующей Конституции Российской Федерации. Нарушение Конституции Российской Федерации в данном случае выражается в отступлении от принципа равенства всех перед законом и судом (статья 19, часть 1, Конституции Российской Федерации), состоящем в том, что к лицам, находящимся в одинаковой (сходной) правовой ситуации, имеется различное отношение в отсутствие объективного и разумного оправдания (Постановление от 23 марта 2026 года № 16-П и др.).

Наиболее корректным способом выявления реального содержания и смысла установленного законодателем регулирования в таких обстоятельствах является – во исполнение закрепленного в статье 10 Конституции Российской Федерации принципа разделения властей – законодательное уточнение соответствующих положений, неоднозначность которых, непреодолимая средствами юридического толкования, создает серьезные препятствия для полноценного обеспечения равенства перед законом и судом в процессе их применения (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 30 марта 2018 года № 14-П, от 17 января 2019 года № 4-П, от 17 мая 2022 года № 19-П, от 22 июня 2023 года № 34-П, от 23 марта 2026 года № 16-П и др.).

Соответственно, неопределенность в вопросе о том, начисляются ли предусмотренные статьей 395 ГК Российской Федерации проценты в случае просрочки компенсации потерь ресурсоснабжающей организации, возникших вследствие реализации субъектом Российской Федерации полномочий по тарифному регулированию и обусловленных установлением тарифа на уровне ниже экономически обоснованного, должна быть устранена самим федеральным законодателем. Он, с учетом выраженных в настоящем Постановлении правовых позиций, должен ясно обозначить, распространяется ли данная норма на указанные правоотношения, складывающиеся между публично-правовым образованием и ресурсоснабжающей организацией.

При применении же в рассматриваемой ситуации положений статьи 395 ГК Российской Федерации (что имеет место в судебной практике и возможность чего может быть во исполнение настоящего Постановления подтверждена федеральным законодателем) во всяком случае возникает вопрос о периодах, за которые допускается начисление предусмотренных этой нормой процентов, причем применительно к данному вопросу в оспариваемом регулятивном комплексе также усматривается конституционная неопределенность.

4. Как показывают правовые позиции Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, упомянутые в пунктах 3 и 3.1 настоящего Постановления, в системе гражданско-правовых обязательств, если к таковым в принципе относить правоотношение по возмещению убытков ресурсоснабжающей организации, возникающих вследствие несвоевременной компенсации ей межтарифной разницы, оно более всего соответствует обязательствам из причинения вреда (деликтным).

Начисление на основании положений статьи 395 ГК Российской Федерации процентов на денежную сумму, подлежащую возмещению по гражданско-правовому обязательству из причинения вреда, в системе действующего правового регулирования допускается. Так, пункт 2 статьи 307^{1} ГК Российской Федерации, помимо прочего, устанавливает, что к обязательствам вследствие причинения вреда общие положения об обязательствах (подраздел 1 раздела III данного Кодекса) применяются, если иное не предусмотрено правилами главы 59 названного Кодекса или не вытекает из существа соответствующих отношений. В свою очередь, в упомянутой главе 59 ГК Российской Федерации не содержится каких-либо положений, которые исключали бы применимость статьи 395 этого Кодекса к обязательствам из причинения вреда.

4.1. Вместе с тем действующее законодательство, исходя из существа соответствующих отношений, не предполагает, по общему правилу, начисления процентов на сумму возмещаемого причиненного вреда за период, предшествующий ее установлению в судебном порядке. Как прямо разъяснено в пункте 57 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», обязанность причинителя вреда по уплате процентов, предусмотренных статьей 395 ГК Российской Федерации, возникает со дня вступления в законную силу решения суда, которым удовлетворено требование потерпевшего о возмещении причиненных

убытков, если иной момент не указан в законе, при просрочке их уплаты должником; при заключении потерпевшим и причинителем вреда соглашения о возмещении причиненных убытков проценты, установленные статьей 395 ГК Российской Федерации, начисляются с первого дня просрочки исполнения условий этого соглашения, если иное не предусмотрено таким соглашением. Тем самым начисление процентов за просрочку исполнения гражданско-правового обязательства по возмещению убытков за период, предшествующий взысканию убытков в судебном порядке, по общему правилу, не предполагается безотносительно к тому, взыскиваются ли убытки за счет казны публично-правового образования или же за счет иных субъектов гражданского права, поскольку такое решение продиктовано самим характером деликтных обязательств.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, обязанность возместить причиненный вред является мерой гражданско-правовой ответственности, которая применяется к причинителю вреда при наличии состава правонарушения, включающего, как правило, наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, причинную связь между этим поведением и наступлением вреда, а также его вину (постановления от 15 июля 2009 года № 13-П, от 7 апреля 2015 года № 7-П, от 21 апреля 2026 года № 25-П и др.). Поскольку весь названный юридический состав формируется до и вне судебного процесса, в котором упомянутые обстоятельства только подтверждаются сторонами и другими лицами, участвующими в деле, при помощи предоставленных им законом процессуальных средств, деликтное обязательство объективно возникает уже в момент причинения вреда (подпункт 6 пункта 1 статьи 8 ГК Российской Федерации), а не вынесения судебного решения о его возмещении.

Соответственно, исчисление просрочки исполнения обязательства по возмещению убытков с момента вступления в законную силу решения суда о взыскании убытков, а не с момента их причинения, обусловлено не спецификой момента возникновения обязательства, а особенностями его содержания, к числу которых относится наличие у суда дискреции в

определении способа возмещения вреда в соответствии с обстоятельствами дела (статья 1082 ГК Российской Федерации), которая препятствует однозначной квалификации деликтного обязательства до того, как решение суда вступит в законную силу, в качестве денежного. Статья же 395 ГК Российской Федерации устанавливает имущественную ответственность должника за просрочку исполнения только денежных обязательств.

4.2. Внедоговорное причинение вреда в классических его проявлениях не выражается в неправомерном удержании должником денежных средств, уклонении от их возврата, иной просрочке в их уплате. Однако в ситуации компенсации ресурсоснабжающей организации потерь, возникших вследствие реализации субъектом Российской Федерации полномочий по тарифному регулированию, предполагается наличие определенной даты, до которой – в соответствии с нормативным регулированием и соглашениями, заключенными ресурсоснабжающей организацией с уполномоченными органами публичной власти, – должно состояться возмещение названной организации выпадающих доходов. Это в свете положений статьи 314 ГК Российской Федерации позволяло бы судить о возникновении просрочки исполнения обязательства начиная с такой даты, с учетом также отсутствия неопределенности относительно формы возмещения выпадающих доходов ресурсоснабжающей организации.

В то же время относительная определенность даты, с которой наступает просрочка исполнения обязательства публично-правового образования по возмещению выпадающих доходов ресурсоснабжающей организации, равно как и формы такого возмещения, не отменяет того, что ресурсоснабжающая организация должна своевременно предпринять действия, предусмотренные законом, иными правовыми актами или договором (соглашением), совершение которых является условием исполнения должником своего обязательства. В рамках гражданско-правовых отношений несовершение кредитором таких действий признается просрочкой кредитора, за время которой должник не обязан платить

проценты по денежному обязательству (пункты 1 и 3 статьи 406 ГК Российской Федерации).

Поскольку до совершения ресурсоснабжающей организацией соответствующих действий публично-правовое образование в лице его уполномоченного органа (должностных лиц) может быть не осведомлено о том, в каком объеме населением был потреблен коммунальный ресурс и на какую именно сумму эта ресурсоснабжающая организация понесла потери вследствие применения льготного тарифа, возложение на публично-правовое образование обязанности по уплате процентов за данный период не только противоречило бы пункту 3 статьи 406 ГК Российской Федерации, но и позволяло бы ресурсоснабжающей организации, вопреки пункту 4 статьи 1 упомянутого Кодекса, извлекать имущественную выгоду из недобросовестного бездействия. Между тем, как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, нормы, регламентирующие осуществление участниками гражданских правоотношений принадлежащих им прав, а также исполнение ими обязанностей, должны интерпретироваться и применяться в свете принципа добросовестности. В силу своей универсальности требование о добросовестном поведении распространяется на любое социальное взаимодействие между субъектами права во всех сферах (постановления от 28 января 2025 года № 3-П и от 16 октября 2025 года № 34-П).

Оперативность информирования ресурсоснабжающей организацией уполномоченного государственного органа субъекта Российской Федерации о неосуществлении своевременного возмещения ей межтарифной разницы особенно важна, когда обязанность по такому возмещению возложена на органы местного самоуправления, которым в установленном законодательством порядке переданы соответствующие государственные полномочия и предоставлена субвенция, однако требование о возмещении вреда вследствие невыплаты (неполной выплаты) возмещения муниципальным образованием заявляется ресурсоснабжающей организацией напрямую субъекту Российской Федерации.

При этом в данной ситуации соглашение муниципального образования с ресурсоснабжающей организацией о предоставлении субсидии, опосредующее исполнение органом местного самоуправления соответствующего полномочия, не относится к тем заключаемым потерпевшим и причинителем вреда соглашениям о возмещении причиненных убытков, относительно которых абзац второй пункта 57 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» предписывает начислять проценты, установленные статьей 395 ГК Российской Федерации, с первого дня просрочки исполнения условий этого соглашения, если иное не предусмотрено таким соглашением.

Как следует из представленных с запросом Правительства Амурской области материалов, в судебной практике встречаются существенно различающиеся подходы к определению периода просрочки исполнения обязательства субъекта Российской Федерации по возмещению выпадающих доходов в рассматриваемой ситуации: в одних случаях арбитражные суды исходят из того, что проценты на сумму убытков, предусмотренные статьей 395 ГК Российской Федерации, подлежат уплате субъектом Российской Федерации с момента истечения срока выплаты возмещения, предусмотренного соглашением муниципального образования с ресурсоснабжающей организацией (дела № А04-4908/2023, № А04-5616/2024), а в других случаях – с момента истечения срока на удовлетворение досудебных претензий ресурсоснабжающей организации к уполномоченным органам субъекта Российской Федерации и муниципального образования (дела № А04-6209/2020, № А04-6210/2020, № А04-588/2022).

Буквальное же прочтение абзаца первого пункта 57 упомянутого постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации ориентирует суды на определение начала просрочки исполнения обязательства по возмещению убытков со стороны субъекта Российской

Федерации днем вступления в законную силу судебного решения об удовлетворении иска о возмещении убытков. При этом данное разъяснение носит общий характер и дано без учета специфики возмещения ресурсоснабжающим организациям убытков, возникающих вследствие реализации субъектом Российской Федерации полномочий по тарифному регулированию.

4.3. Возможность различных гражданско-правовых подходов к решению вопросов о том, допускается ли начисление на основании статьи 395 ГК Российской Федерации процентов на сумму убытков, подлежащую возмещению ресурсоснабжающей организации вследствие реализации субъектом Российской Федерации государственных полномочий по тарифному регулированию, за период, предшествующий вступлению в законную силу судебного решения о взыскании таких убытков, и если допускается, то с какого именно момента, – в сочетании с признанием полномочия законодателя учитывать при решении данных вопросов риски недобросовестного поведения взыскателя – свидетельствует о неопределенности статьи 395 ГК Российской Федерации в соответствующих аспектах.

5. Гарантируя в статье 46 (часть 1) право каждого на судебную защиту его прав и свобод, Конституция Российской Федерации исходит из того, что исполнение судебного решения – неотъемлемый элемент судебной защиты, и в связи с этим требует от государства создавать эффективные механизмы своевременного и полного исполнения судебных актов. Конкретизируя эти конституционные начала правосудия, Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» предусматривает обязательность вступивших в законную силу судебных актов для всех без исключения субъектов права (статья 6). Неправомерная же задержка исполнения судебного акта рассматривается в качестве нарушения права на справедливое правосудие (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2001 года № 1-

П, от 22 июня 2023 года № 34-П, от 25 января 2024 года № 3-П, от 18 ноября 2025 года № 39-П и др.).

Государство и входящие в его состав публично-правовые образования, призванные обеспечивать реализацию функций публичной власти в соответствующих территориальных пределах (Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, федеральной территории, муниципального образования) и в силу этого связанные необходимостью использования имеющихся в их распоряжении материальных ресурсов и финансовых средств на цели осуществления полномочий, являются особыми субъектами исполнения судебных решений. Обусловленный природой деятельности органов публичной власти особый характер материально-финансовых основ соответствующих публично-правовых образований, а также юридически значимые различия в фактическом положении должника и взыскателя по судебным актам, вынесенным по искам к публично-правовым образованиям, предполагают использование специального порядка обращения взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, который обеспечивал бы согласование таких конституционных ценностей, как своевременность и полнота исполнения судебного решения, с одной стороны, и стабильность материально-финансовых основ реализации государством возложенных на него функций, включая безусловное гарантирование конституционно-правового статуса личности, – с другой.

Из этого вытекает обязанность государства установить эффективный правовой механизм исполнения судебных решений по искам к публично-правовым образованиям, при котором на основе согласования интересов личности, общества и государства обеспечивалась бы реальная возможность для взыскателя в разумный срок (без неоправданных задержек) получить все причитающееся ему по судебному решению, а для публичного субъекта – определить оптимальные источники бюджетного покрытия возникших расходов и минимизировать возможные негативные последствия от перераспределения бюджетных ресурсов (постановления Конституционного

Суда Российской Федерации от 25 февраля 2025 года № 9-П, от 18 ноября 2025 года № 39-П и др.).

В системе действующего законодательства порядок обращения взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации на основании судебных актов по искам к публично-правовым образованиям определен в главе 24^1 Бюджетного кодекса Российской Федерации. Так, исполнение судебных актов по искам к субъектам Российской Федерации о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) государственных органов субъектов Российской Федерации или их должностных лиц, а также судебных актов по иным искам о взыскании денежных средств за счет казны субъекта Российской Федерации (за исключением судебных актов о взыскании денежных средств в порядке субсидиарной ответственности главных распорядителей средств бюджета субъекта Российской Федерации), судебных актов о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации производится на основании исполнительных документов (исполнительный лист, судебный приказ), направляемых для исполнения в финансовый орган субъекта Российской Федерации (пункт 3 статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации), в течение трех месяцев со дня поступления исполнительных документов на исполнение (пункт 6 той же статьи).

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что порядок исполнения судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации сам по себе не влечет неблагоприятных последствий для выигравшей судебный спор стороны и даже дает некоторые преимущества взыскателю, чьим должником выступает публично-правовое образование, перед взыскателями денежных средств с иных должников: освобождает от необходимости поиска счетов должника, его имущества и от принятия иных мер, прописанных в Федеральном законе от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», а также исключает риски, связанные с ликвидацией должника

(юридического лица) или с его банкротством (постановления от 22 июня 2023 года № 34-П и от 25 января 2024 года № 3-П).

Анализируя содержание статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации также указывал, что установленные ею сроки для исполнения судебных актов, имея целью поддержание разумного баланса частных и публичных интересов, предполагают совершение взыскателем активных действий по получению присужденных ему сумм, а именно направление в финансовый орган соответствующих документов – исполнительного листа (судебного приказа), копии судебного акта и заявления с реквизитами банковского счета, на который деньги должны быть перечислены (постановления от 22 июня 2023 года № 34-П и от 18 ноября 2025 года № 39-П). Если кредитор по обязательству о возмещении вреда в соответствии с установленным в субъекте Российской Федерации порядком компенсации ресурсоснабжающим организациям межтарифной разницы должен получать средства непосредственно из бюджета иного публично-правового образования, чем то, которое осуществляет тарифное регулирование и к которому предъявлены удовлетворенные судом требования о возмещении вреда (а именно в этом случае, как отмечалось выше, увеличиваются предпосылки для того, чтобы рассматривать соответствующий спор как гражданско-правовой, в котором применима статья 395 ГК Российской Федерации), предполагается обращение к процедуре исполнения судебного акта, которая, как правило, не может быть начата без прямого волеизъявления кредитора (взыскателя).

5.1. Исходя из того что в Российской Федерации как демократическом правовом государстве недопустимо злоупотребление со стороны публичной власти таким порядком исполнения судебных решений, вынесенных по искам к публично-правовым образованиям, который не предусматривает возможности принудительного взыскания бюджетных средств, предполагается, что обязанность надлежащей организации исполнения этих судебных решений должна обеспечиваться другими институтами, включая

институт ответственности, виды которой определяются в том числе гражданским законодательством (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2008 года № 734-О-П, от 18 января 2011 года № 45-О-О, от 8 февраля 2011 года № 115-О-О и от 1 ноября 2012 года № 2008-О).

Закрепляя механизм привлечения к гражданско-правовой ответственности, статья 395 ГК Российской Федерации предполагает необходимость установления противоправности невыплаты должником денежных средств в соответствующий период. Вместе с тем, как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, поскольку процедура исполнения судебного акта, предусматривающая обращение взыскания на бюджетные средства, не может быть начата без прямого волеизъявления лица, в чью пользу они взыскиваются, постольку нахождение на казначейских счетах подлежащих взысканию сумм в течение определенного срока для исполнения судебного акта не может рассматриваться как неправомерное удержание чужих денежных средств, уклонение от их возврата, иная просрочка в их уплате либо неосновательное получение или сбережение за счет другого лица (постановления от 22 июня 2023 года № 34-П, от 25 января 2024 года № 3-П и от 18 ноября 2025 года № 39-П; определения от 11 мая 2012 года № 804-О, от 19 ноября 2015 года № 2703-О, от 23 ноября 2017 года № 2608-О и от 25 декабря 2025 года № 3420-О).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал разъяснение, согласно которому в течение предусмотренного пунктом 6 статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации срока, а также за период с момента вступления судебного акта в законную силу и до поступления исполнительного документа в финансовый орган проценты за пользование чужими денежными средствами не начисляются (пункт 17 постановления от 28 мая 2019 года № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации»).

Таким образом, по смыслу приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации не признаются периодами неправомерной задержки исполнения публично-правовым образованием денежного обязательства по возмещению убытков, влекущей начисление процентов по правилам статьи 395 ГК Российской Федерации, период между днем вступления в законную силу судебного акта о взыскании убытков за счет казны публично-правового образования, подлежащего исполнению по правилам статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации, и днем предъявления взыскателем исполнительного документа к исполнению, а также период, предусмотренный пунктом 6 указанной статьи.

5.2. Между тем, как показывает достаточно распространенная судебная практика, отнесение гражданско-правового спора к категории дел, судебные акты по которым исполняются в порядке, предусмотренном статьей 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации, само по себе не влечет освобождения публично-правового образования от уплаты процентов по правилам статьи 395 ГК Российской Федерации за указанные периоды.

Еще в постановлениях Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 июля 2008 года № 5989/08 и от 14 декабря 2010 года № 8893/10 была высказана позиция о том, что установленные Бюджетным кодексом Российской Федерации особенности порядка исполнения судебных актов, предусматривающие взыскание средств за счет бюджетов по предъявлении исполнительного листа, не регулируют имущественные гражданско-правовые отношения, не затрагивают соотношения прав и обязанностей их участников и сами по себе не изменяют оснований и условий применения гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств; в этой связи непредъявление взыскателем исполнительного листа к исполнению не может быть расценено как просрочка кредитора или его вина в нарушении должником гражданско-правового обязательства. Иное толкование, по утверждению Президиума

Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, противоречило бы принципу равенства участников гражданско-правовых отношений.

Руководствуясь тем же подходом, в определении от 21 февраля 2022 года по делу № 5-КГ21-188-К2 Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в отношении сходной проблемы отметила, что особенности исполнения судебных актов о взыскании денежных средств с должника – публично-правового образования за счет средств бюджетов бюджетной системы, установленные главой 24^1 Бюджетного кодекса Российской Федерации, не освобождают должника от обязанности своевременно исполнить обязательство по возврату полученной по недействительному договору денежной суммы и не являются основанием для освобождения от уплаты процентов, начисляемых в соответствии со статьей 395 ГК Российской Федерации (пункт 1 статьи 1, статья 124 данного Кодекса); положения статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации, устанавливая особенности исполнения судебного акта за счет казны Российской Федерации, не освобождают Российскую Федерацию в лице Федерального агентства по управлению государственным имуществом как субъекта гражданско-правовых отношений от уплаты процентов, предусмотренных статьей 1107 ГК Российской Федерации, за пользование чужими денежными средствами.

В этой связи показательно также, что применительно к случаям исполнения судебных актов по правилам статей 242^3–242^5 Бюджетного кодекса Российской Федерации Пленум Верховного Суда Российской Федерации со ссылкой на пункт 1 статьи 1 и статью 124 ГК Российской Федерации разъяснил, что особенности исполнения судебных актов о взыскании денежных средств с казенного учреждения за счет средств бюджетов бюджетной системы, установленные названными статьями Бюджетного кодекса Российской Федерации, не являются основанием для освобождения этого должника от уплаты процентов, начисляемых по правилам статьи 395 ГК Российской Федерации, в том числе и в течение срока нахождения исполнительного документа на исполнении в органе

Федерального казначейства или соответствующем финансовом органе (пункт 21 постановления «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации»).

Подход, отрицающий влияние особенностей исполнения судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, установленных пунктами 1 и 2 статьи 242^1, пунктами 3 и 6 статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации, на судьбу гражданско-правового обязательства по уплате процентов на основании статьи 395 ГК Российской Федерации, не лишен в системе действующего правового регулирования нормативных оснований. Он обусловлен тем, что не только данная норма Гражданского кодекса Российской Федерации, но и другие положения его главы 25 «Ответственность за нарушение обязательств», а равно и главы 22 «Исполнение обязательств» сформулированы одинаковым образом для всех участников гражданских правоотношений, а установленным главой 24^1 Бюджетного кодекса Российской Федерации особенностям исполнения судебных актов, вынесенных против отдельных категорий таких участников, не придается гражданско-правового значения.

Кроме того, в отличие от обязательств по возмещению причиненного вреда (применительно к которым, как следует из изложенного выше, также усматривается правовая неопределенность), просрочка исполнения других категорий гражданско-правовых обязательств для целей применения статьи 395 ГК Российской Федерации в большинстве случаев однозначно исчисляется независимо от момента вступления в законную силу судебного акта, подтверждающего необходимость исполнения этих обязательств должником (статья 314 ГК Российской Федерации; пункты 56–58 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»).

При этом особенности исполнения судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, предусмотренные статьей 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации, едины как для обязательств по возмещению вреда, так и для других обязательств, исполняемых в предусмотренном этой статьей порядке, а потому таковые особенности предполагаются одинаково влияющими на применимость статьи 395 ГК Российской Федерации.

Тем самым в случае признания того, что предусмотренные статьей 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации особенности исполнения судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации влияют на определение периода просрочки исполнения обязательства для цели начисления процентов, становится возможной ситуация, при которой период просрочки, начавшийся до обращения взыскателя в суд, будет прерываться с даты вступления в законную силу судебного акта о присуждении ему денежных средств до момента истечения трехмесячного срока на исполнение судебного акта финансовым органом публично-правового образования, установленного пунктом 6 статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации.

В таких случаях публично-правовое образование, уклонявшееся от добровольного исполнения объективно (в частности, на основании нормативного акта) возникшего у него денежного обязательства перед кредитором и своим бездействием побудившее его обратиться в суд, временно переставало бы считаться просрочившим исполнение обязательства из-за вынужденной реализации взыскателем своего права на судебную защиту. Между тем в системе действующего гражданско-правового регулирования уменьшение размера ответственности должника за нарушение обязательства, мотивированное добросовестными действиями кредитора, направленными на защиту своего нарушенного права, не допускается. Напротив, как следует из пункта 1 статьи 404 ГК Российской Федерации, основаниями для такого уменьшения признаются виновные действия кредитора, содействовавшие увеличению размера убытков,

причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, либо непринятие кредитором разумных мер к уменьшению убытков.

5.3. Необходимо учитывать и то, каким образом вопрос о влиянии особенностей исполнения судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в порядке, предусмотренном пунктами 1 и 2 статьи 242^1, пунктами 3 и 6 статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации, разрешен применительно к смежному институту индексации присужденных денежных сумм, подлежащих выплате за счет средств соответствующих бюджетов (притом что в настоящем Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации не рассматривает вопрос о возможности одновременного применения этих институтов). В постановлениях от 22 июня 2023 года № 34-П и от 25 января 2024 года № 3-П Конституционный Суд Российской Федерации выразил следующие правовые позиции:

совершение уполномоченными органами действий по исполнению судебных актов в установленном законом порядке, в соответствии с принципами бюджетного регулирования, в пределах предусмотренных сроков не может расцениваться как несвоевременное исполнение судебного акта, неправомерная задержка его исполнения; риск же инфляционного обесценивания взысканных денежных сумм зависит от поведения самого взыскателя, и его можно минимизировать, незамедлительно предъявив исполнительный документ к исполнению; в то же время взыскатель, не предъявляя таковой к исполнению в установленном порядке, может способствовать длительному неисполнению судебного акта, а значит, увеличению размера выплат в результате индексации взысканных сумм; применение индексации без учета особенностей порядка исполнения судебного акта публично-правовым образованием, связывающих начало данной процедуры с волеизъявлением взыскателя, способно привести к злоупотреблениям со стороны последнего и к использованию института индексации присужденных сумм в качестве способа обогащения; отказ

законодателя допустить индексацию средств, взысканных с публично-правового образования за счет казны, в период с момента присуждения этих сумм и до направления взыскателем или судом необходимых документов в уполномоченный государственный орган для исполнения судебного акта не является произвольным и, в конечном счете, направлен на защиту интересов всех граждан;

введенные главой 24^1 Бюджетного кодекса Российской Федерации сроки для исполнения судебных актов, имея целью обеспечение разумного баланса частных и публичных интересов, предполагают совершение взыскателем активных действий по получению присужденных ему сумм; поскольку процедура исполнения судебного акта, предусматривающая обращение взыскания на бюджетные средства, не может быть начата без прямого волеизъявления лица, в чью пользу они взыскиваются, постольку нахождение на казначейских счетах подлежащих взысканию сумм в течение определенного срока для исполнения судебного акта не может рассматриваться как неправомерное удержание чужих денежных средств, уклонение от их возврата, иная просрочка в их уплате либо неосновательное получение или сбережение за счет другого лица;

в процессе исполнения судебного акта, вынесенного по иску к публично-правовому образованию, должна быть обеспечена возможность принять организационно-технические меры по перераспределению бюджетных средств, находящихся на казначейских счетах, таким образом, чтобы реализация права на судебную защиту не парализовала деятельность соответствующих публичных структур (решения и действия которых стали причиной вынесения судебного акта) и не привела к нарушению прав и свобод, обеспечиваемых их функционированием.

Приведенные правовые позиции в целом применимы и к институту взыскания на основании статьи 395 ГК Российской Федерации процентов за просрочку исполнения денежного обязательства, подлежащего исполнению в порядке статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации, что подтверждается и ранее вынесенными Конституционным Судом Российской

Федерации определениями об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан и юридических лиц (определения от 11 мая 2012 года № 804-О, от 19 ноября 2015 года № 2703-О, от 23 ноября 2017 года № 2608-О и от 25 декабря 2025 года № 3420-О).

С учетом этих правовых позиций Конституционный Суд Российской Федерации признал конституционно допустимым возможный вариант законодательного регулирования, при котором индексация присужденных денежных сумм не производилась бы за периоды с момента их присуждения до момента предъявления исполнительного документа к исполнению, а также в течение трехмесячного срока на исполнение судебного акта. При этом на сегодняшний день законодатель в рамках дискреции, признанной за ним в названных постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации, предусмотрел право взыскателя на индексацию присужденных денежных сумм за период с момента поступления исполнительного документа на исполнение в финансовый орган (часть четвертая статьи 208 ГПК Российской Федерации; часть 1^1 статьи 183 АПК Российской Федерации; часть 1^1 статьи 189^1 КАС Российской Федерации), т.е. включил в период, учитываемый при индексации, установленный пунктом 6 статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации трехмесячный срок на исполнение судебного акта. Более того, в тех же законоположениях было установлено, что при ошибочном направлении судом указанных исполнительных документов индексация присужденных судом денежных сумм производится со дня поступления указанных исполнительных документов в орган, в который указанные исполнительные документы были ошибочно направлены.

5.4. Изложенное приводит к выводу, что статья 395 ГК Российской Федерации – в зависимости от того, в системной взаимосвязи с какими положениями действующего законодательства она рассматривается: пунктом 1 статьи 1, статьей 124 ГК Российской Федерации и рядом других положений данного Кодекса либо же с пунктами 1 и 2 статьи 242^1, пунктами 3 и 6 статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации, – позволяет противоположным образом решать вопрос о том, оказывают ли особенности

исполнения судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, предусмотренные названными нормами Бюджетного кодекса Российской Федерации, влияние на определение периода просрочки исполнения публично-правовым образованием обязательств по возмещению ресурсоснабжающим организациям убытков, возникших вследствие реализации субъектом Российской Федерации полномочий по тарифному регулированию (если применение статьи 395 ГК Российской Федерации в этих случаях признавать принципиально возможным).

При этом как подход, исключающий начисление процентов за период с даты вступления в законную силу судебного акта по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации до момента поступления исполнительного документа на исполнение в финансовый орган публично-правового образования, а также в течение срока, установленного пунктом 6 статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации, так и подход, предполагающий начисление процентов за указанные периоды, не лишены разумных конституционных и отраслевых правовых оснований.

6. Таким образом, статья 395 ГК Российской Федерации, положения пунктов 1 и 2 статьи 242^1, пунктов 3 и 6 статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации в их взаимосвязи не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 4 (часть 2), 8, 15 (части 1 и 2), 19 (части 1 и 2), 35 (части 1 и 2) и 46 (часть 1), в той мере, в какой они, рассматриваемые в системе действующего правового регулирования, содержат неопределенность в вопросе о том, начисляются ли проценты, предусмотренные статьей 395 ГК Российской Федерации, в случае несвоевременной компенсации имущественных потерь ресурсоснабжающей организации, возникших вследствие реализации субъектом Российской Федерации полномочий по тарифному регулированию и установления им тарифа на уровне ниже экономически обоснованного, а если такое

начисление признается возможным – начисляются ли такие проценты за следующие периоды:

до дня вступления в силу судебного акта, которым удовлетворен иск о взыскании убытков;

со дня вступления в законную силу названного судебного акта до дня поступления исполнительного документа на исполнение в финансовый орган публично-правового образования;

со дня поступления исполнительного документа на исполнение в финансовый орган публично-правового образования до истечения срока, установленного пунктом 6 статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации.

Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, высказанных в настоящем Постановлении, – принять меры по устранению выявленной неопределенности нормативного содержания статьи 395 ГК Российской Федерации, положений пунктов 1 и 2 статьи 242^1, пунктов 3 и 6 статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации в их взаимосвязи.

Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», полагает возможным установить, что впредь до внесения в действующее правовое регулирование изменений, вытекающих из настоящего Постановления, при взыскании судом с публично-правового образования убытков в пользу ресурсоснабжающей организации, возникших вследствие реализации государственных полномочий по тарифному регулированию и обусловленных несвоевременным исполнением обязанности по компенсации межтарифной разницы, предусмотренные статьей 395 ГК Российской Федерации проценты не начисляются.

Это не препятствует органам государственной власти субъектов Российской Федерации при определении правил компенсации

ресурсоснабжающим организациям межтарифной разницы предусмотреть увеличение за счет бюджетов субъектов Российской Федерации размеров соответствующих выплат в случае просрочки их осуществления, в том числе по аналогии с правилами, установленными статьей 395 ГК Российской Федерации, разрешая при этом вопрос и о периодах, за которые предусматривается такое увеличение.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47^1, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80, 86 и 87 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать статью 395 ГК Российской Федерации, положения пунктов 1 и 2 статьи 242^1, пунктов 3 и 6 статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации в их взаимосвязи не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 4 (часть 2), 8, 15 (части 1 и 2), 19 (части 1 и 2), 35 (части 1 и 2) и 46 (часть 1), в той мере, в какой они, рассматриваемые в системе действующего правового регулирования, содержат неопределенность в вопросе о том, начисляются ли проценты, предусмотренные статьей 395 ГК Российской Федерации, в случае несвоевременной компенсации имущественных потерь ресурсоснабжающей организации, возникших вследствие реализации субъектом Российской Федерации полномочий по тарифному регулированию и установления им тарифа на уровне ниже экономически обоснованного, а если такое начисление признается возможным – начисляются ли такие проценты за следующие периоды:

до дня вступления в силу судебного акта, которым удовлетворен иск о взыскании убытков;

со дня вступления в законную силу названного судебного акта до дня поступления исполнительного документа на исполнение в финансовый орган публично-правового образования;

со дня поступления исполнительного документа на исполнение в финансовый орган публично-правового образования до истечения срока, установленного пунктом 6 статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации.

2. Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, высказанных в настоящем Постановлении, – принять меры по устранению выявленной неопределенности нормативного содержания статьи 395 ГК Российской Федерации, положений пунктов 1 и 2 статьи 242^1, пунктов 3 и 6 статьи 242^2 Бюджетного кодекса Российской Федерации в их взаимосвязи.

3. Впредь до внесения в действующее правовое регулирование изменений, вытекающих из настоящего Постановления, при взыскании судом с публично-правового образования убытков в пользу ресурсоснабжающей организации, возникших вследствие реализации государственных полномочий по тарифному регулированию и обусловленных несвоевременным исполнением обязанности по компенсации межтарифной разницы, предусмотренные статьей 395 ГК Российской Федерации проценты не начисляются.

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации при определении правил компенсации ресурсоснабжающим организациям межтарифной разницы правомочны предусмотреть увеличение за счет бюджетов субъектов Российской Федерации размеров соответствующих выплат в случае просрочки их осуществления.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (*www.pravo.gov.ru*).

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 61-П